

ТРОН РОССИИ

КАК РУССКИЕ ЦАРИ
МЕНЯЛИ ХОД ИСТОРИИ

ИИ

Елена Светлова

Елена Светлова

Трон России: Как русские цари меняли ход истории

<https://litres.ru/74609129>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему сильная власть способна объединить страну — и почему однажды теряет доверие? История русских царей — не только даты, войны и смены правителей. Это рассказ о том, как складывалась власть, чем укреплялось государство и какой ценой достигались его успехи.

В книге прослеживается путь от княжеской Руси и собирания земель Москвой до падения монархии в 1917 году. Иван Грозный, первые Романовы, Пётр I, Екатерина II, реформы XIX века и кризисы Николая II предстают не отдельными эпизодами, а звеньями общей истории. Через них автор показывает, как наследование и признание, институты и принуждение, модернизация и общественные ожидания влияли на устойчивость страны.

Книга поможет увидеть за привычными школьными формулами причины и последствия исторических решений и понять, почему сила без доверия и работающих институтов

уязвима. Для тех, кто интересуется историей России и хочет разобраться не только в том, что происходило, но и почему.

Книга создана с помощью ИИ.

Содержание

От княжеской Руси к Московскому государству: откуда взялась власть царя	6
Москва собирает Русь: Иван III, Василий III и рождение единого государства	16
Иван IV Грозный: царский титул, реформы и террор опричнины	30
Смутное время: распад власти и выбор новой династии	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Светлова

Трон России: Как русские цари меняли ход истории

Трон России: Как русские цари меняли ход истории

Елена Светлова

От княжеской Руси к Московскому государству: откуда взялась власть царя

Представьте два собрания, разделённые несколькими столетиями.

В первом князь входит в город не как хозяин всего, что видит вокруг, а как человек, которому предстоит договориться. Ему нужна поддержка горожан и местной знати, ему надо удержать дружину, защитить торговые пути, разрешить спор. Если он не справится, его могут перестать слушать — а в некоторых городах и вовсе позвать другого князя. Во втором собрании государь уже говорит от имени всей земли: подданные обязаны служить ему, суд и сбор доходов всё заметнее подчиняются единому центру, а его титул подчёркивает не столько договор с отдельным городом, сколько верховное право повелевать.

Это не стенограммы конкретных встреч, а две политические сцены, составленные по свидетельствам разных эпох. Между ними — не прямая лестница, по которой Русь неизбежно поднялась от княжеской власти к самодержавию. Между ними — долгий спор о том, кто защищает землю, кто собирает с неё доходы, кому достаётся наследство и чьё слово признают законным.

Чтобы понять, откуда взялась царская власть, полезно начать с вопроса не «кто сидел на троне?», а «на чём этот трон стоял?».

Князь: сила, которую нужно удерживать

Ранний князь был прежде всего военным предводителем и арбитром — но этим его роль не исчерпывалась. Он командовал дружиной, участвовал в сборе дани, поддерживал порядок и суд, вступал в союзы и вёл переговоры с соседями. Его власть могла быть значительной, однако она зависела от людей и ресурсов, которыми он реально распоряжался.

В летописном предании о призвании варягов сказано, что в 862 году славянские и финно-угорские племена призвали княжить Рюрика и его братьев. Это знаменитый рассказ, но не документ, составленный очевидцами события. «Повесть временных лет», где он записан, сложилась в начале XII века, то есть спустя примерно два с половиной столетия после названной даты. Летописец передавал представления своего времени о происхождении княжеской власти; историки же осторожно сопоставляют этот рассказ с археологией и другими данными. Поэтому полезно различать: что именно сообщает источник, когда он был создан и какой смысл мог вкладывать в прошлое его автор.

Само слово «князь» не обозначало правителя единой централизованной страны. На Руси существовали княжеские линии и земли с разными интересами. Киев долго сохранял особый престиж, но князь в Киеве не становился автома-

тически властителем всех городов и областей. Власть приходилось подтверждать: военной силой, соглашениями, родством, поддержкой местных верхов.

Княжеская дружина была не просто армией в современном смысле. Это круг вооружённых соратников, советников и приближённых, связанных с князем личной верностью и распределением добычи, должностей и доходов. Дружину требовалось содержать. Следовательно, политический вопрос быстро становился хозяйственным: кто контролирует торговые пути, кто получает дань, кто распоряжается землями и кто способен обеспечить людям защиту?

Хороший ранний пример — сбор дани. «Повесть временных лет» рассказывает о гибели князя Игоря от древлян в 945 году: он вернулся за дополнительной данью и был убит. Рассказ оформлен летописцем и не должен восприниматься как протокол финансовой проверки. Но он выразительно показывает важную границу: требование князя не становилось законным только потому, что за ним стояла вооружённая сила. Если сбор был непредсказуемым и чрезмерным, он мог вызвать восстание. Летопись также связывает с княгиней Ольгой упорядочение сбора дани — установление «уроков» и «погостов». В этой истории виден ранний шаг от разового принуждения к более устойчивому управлению.

Город — не декорация

Городская община тоже участвовала в политике, хотя её не следует представлять современной демократией. Вече —

собрание горожан, известное источникам, — могло обсуждать важные дела, поддерживать князя или выступать против него. Но его состав, влияние и порядок действий различались от города к городу и от ситуации к ситуации. Не существовало единого «народного парламента» всей Руси.

Особенно заметна роль веча в Новгороде. Там князь нередко приглашался на службу и действовал в рамках соглашений с городом. Это не означало, что он был простым чиновником, которого можно было без последствий уволить. Князь сохранял военную и судебную власть, а отношения с ним могли быть напряжёнными. Но городские элиты обладали реальными рычагами: могли добиваться условий, ограничивать действия князя, искать другого претендента.

Показательно само устройство этой политической сцены: князю нужно было править, но ему требовалось признание тех, кто контролировал городские ресурсы и участвовал в принятии решений. Его власть не была слабой — она была зависимой от обстоятельств. Это важное различие. Зависимость не исключает силы; она заставляет силу постоянно подтверждать себя.

И здесь пригодится практический способ чтения истории. Встретив сообщение о князе, задайте три вопроса:

1. Кто помогал ему собирать войско и содержать его?
2. Кто мог признать его власть или оспорить её?
3. Какие доходы и земли позволяли ему править?

Если на эти вопросы нет ответа, рассказ о «сильном пра-

вите» остаётся портретом без опоры.

Наследство, за которое спорили

Княжеская власть передавалась внутри династии Рюриковичей, но принцип наследования не всегда был простым: «отец — старшему сыну». В разные периоды действовали представления о старшинстве в роду, переходе между княжениями, наследовании от отца к сыну. Эти правила могли сочетаться и вступать в конфликт. Земли дробились между родственниками, князья переходили из одного центра в другой, а претензии на старшинство порождали борьбу.

Поэтому титул «великий князь» не следует понимать как устойчивую ступень к будущему царскому званию. Он обозначал особое старшинство и притязание на первенство, но не гарантировал беспрекословного подчинения всех остальных князей. Его обладателю приходилось добиваться признания — иногда родственного, иногда военного, иногда подкреплённого поддержкой влиятельных союзников.

И слово «царь» тоже не было заранее приготовленной вершиной этой системы. Оно происходило от «цесаря» и несло в себе представление о высоком, особом достоинстве правителя. Однако его смысл менялся в зависимости от времени и контекста. Князь, великий князь и царь — не три должности в последовательной карьерной лестнице, а разные титулы, связанные с различными политическими притязаниями и традициями.

Вера как язык власти

Крещение Руси при князе Владимире в конце X века изменило не только религиозную жизнь страны. Православие дало княжеской власти новый язык легитимности. Правитель мог представлять себя защитником христианской общины, покровителем церкви и хранителем порядка, установленного Богом. Церковь, в свою очередь, получала защиту и поддержку власти.

Но христианская легитимация не означала, что князь сразу становился неограниченным правителем. Она усиливала его положение, но не отменяла династических споров, местных интересов и необходимости управлять на практике. Не следует и механически переносить на раннюю Русь поздние обряды коронации и представления о царском самодержавии. Политическая сакральность складывалась постепенно: вместе с церковными учреждениями, княжеским покровительством и новыми образами власти.

Здесь особенно важно не смешивать разные слои рассказа. Летопись может сообщать о событии, но одновременно придавать ему нравственный смысл. Позднее предание способно превратить сложный политический выбор в историю о предопределении. Современная интерпретация, напротив, стремится восстановить обстоятельства и интересы участников. Эти подходы не всегда исключают друг друга, однако отвечают на разные вопросы.

Почему усилилась Москва

Нашествие монголов в XIII веке резко изменило поли-

тическую карту. Разорение русских земель, падение Киева в 1240 году и зависимость князей от Орды создали новую систему власти. Князьям приходилось получать у хана ярлык на княжение, признавать его верховенство и выполнять фискальные обязательства. Теперь борьба за старшинство шла не только между родственниками: важным становилось и признание извне.

Это не уничтожило внутреннюю политику русских земель. Напротив, князья должны были действовать сразу в нескольких направлениях: договариваться с Ордой, удерживать собственную дружину, искать поддержку среди местных элит и бороться с соперниками. Умение быть посредником между внешней властью и своими подданными могло стать источником силы.

Москва возвышалась не потому, что история заранее назначила её будущей столицей. Её преимущества складывались постепенно. Московские князья расширяли владения через наследование, покупки, браки, соглашения и военное давление. Они укрепляли связи с церковью; пребывание митрополита в Москве усиливало её значение как религиозного центра. Важную роль играли отношения с Ордой. Иван I, прозванный Калитой, укреплял позиции московского дома, в том числе благодаря полученным от хана полномочиям. Но сводить его успех к одной «удачной хитрости» или исключительно к сбору дани было бы упрощением: власть росла за счёт целого комплекса ресурсов и союзов.

Дмитрий Иванович, позднее прозванный Донским, одержал победу на Куликовом поле в 1380 году. Это стало важным событием и мощным символом сопротивления ордынскому господству. Но битва не означала немедленного освобождения: в 1382 году хан Тохтамыш захватил и разорил Москву, а зависимость сохранялась. Символический смысл события оказался шире его немедленного политического результата. Москва показала, что способна собирать силы; однако ей ещё предстояло закрепить это лидерство.

В XV веке московские правители всё увереннее заявляли права на другие земли. При Иване III присоединение Новгорода в 1478 году и противостояние с Ордой на Угре в 1480-м обозначили новый масштаб власти. Но и эти события не стоит превращать в мгновенное рождение единого государства. Москва расширялась в ходе переговоров, династических решений и принуждения; разные земли входили в её орбиту не одинаково и не одновременно.

От князя к государю — без волшебного превращения

В позднейшей политической сцене государь уже претендовал на верховную власть над землями и людьми. При Иване III укрепилось употребление титула «государь всея Руси» — формулы, выражавшей более широкие притязания, чем власть над одним княжеством. В 1547 году Иван IV был венчан на царство. Церемония подчёркивала особый статус правителя и представляла его власть как священно признанную.

Однако новый титул не стирал старых политических привычек. Государю по-прежнему нужны были служилые люди, церковь, управленцы и местные исполнители. Его распоряжения должны были достигать городов и земель, а значит, верховное притязание приходилось превращать в работающий порядок. Образ абсолютной власти мог быть громче, чем её повседневная способность контролировать каждый угол страны.

Именно в этом состоит главное различие между двумя сценами. Ранний князь, вступая в договор с городом и союзниками, демонстрировал, от кого зависит его власть. Поздний государь утверждал, что его власть распространяется на всю землю. Но даже за его широким заявлением стояли те же практические вопросы: кто служит, кто платит, кто признаёт законность приказа и кто способен его исполнить.

Практическое упражнение для читателя. Выберите любой эпизод русской истории, где правитель «объединяет земли», «получает престол» или «побеждает соперника». Разделите сведения на три группы: что сообщает источник; какую оценку событию даёт его автор; какой вывод предлагают историки. Затем примените три вопроса о войске, признании и доходах. Так за громким титулом или победной датой проступит устройство власти — её реальные опоры и пределы.

Царская власть не возникла готовой и не была неизбежным итогом княжеской эпохи. Её основы складывались из

военной защиты, контроля над ресурсами, династического наследования, договоров с городами, церковного признания и умения говорить от имени всё более обширной земли. Москва стала центром не по предназначению, а потому, что её князья шаг за шагом расширяли возможности своего дома и меняли правила политической игры. Но как именно московским правителям удалось превратить накопленное влияние в единое государство — и почему их соперники не смогли остановить этот процесс?

Москва собирает Русь: Иван III, Василий III и рождение единого государства

Представьте, что в Новгороде больше не звучит вечевой колокол. Его сняли и отправили в Москву после того, как Иван III в 1478 году окончательно подчинил город. Для новгородцев это была не просто утрата привычного сигнала к собранию: замолкал символ права самим решать важные дела. Для Москвы — знак того, что прежний политический порядок уступает место новому.

Но один колокол не создаёт государство. За ним стоят годы переговоров и угроз, семейные расчёты и военные походы, новая система управления и борьба за то, кому принадлежит последнее слово. Иван III и его сын Василий III не просто расширяли владения. Они шаг за шагом превращали превосходство Москвы в привычку подчиняться ей.

Москва не была обречена на победу

В XV веке русские земли представляли собой не единое государство, а сеть княжеств, городов и республик. У каждого центра были собственные правители, интересы и способы договариваться с соседями. Новгород торговал на Балтике и сохранял вечевые институты. Тверь соперничала с Москвой за политическое влияние. Псков обладал значительной

самостоятельностью. Литовское государство контролировало обширные западные земли, населённые восточными славянами. Над многими русскими князьями ещё сохранялась власть Орды.

Московский подъём объясняется не одной удачной победой и не «естественным ходом истории». У Москвы были преимущества: выгодное положение, накопленные ресурсы, опыт княжеской дипломатии, возможность собирать земли через наследование и браки. Однако преимущество надо было постоянно подтверждать. Соседи могли перейти под власть другого князя, объединиться против Москвы или использовать её внутренние споры.

Иван III, великий князь московский с 1462 года, действовал в этой изменчивой обстановке. Он умел сочетать силу с терпением: там, где можно было получить нужную землю через родственные права или соглашение, не обязательно было начинать войну; там, где переговоры не давали результата, военная угроза делалась вполне осязаемой.

Политическая карта продвижения Москвы

Таблица показывает не только, куда расширялась Москва, но и каким способом это происходило. Единого рецепта объединения не существовало.

Период

Зона продвижения

Основной инструмент

Что изменилось

1460–1470-е годы

Ростовские и Ярославские земли

Наследование, соглашения, постепенное подчинение местных князей

Москва расширила влияние без одной решающей войны

1471–1478 годы

Новгород

Военное давление, договоры, затем ликвидация политической автономии

Новгород утратил право самостоятельно определять внешнюю политику

1480 год

Река Угра и отношения с Ордой

Военное противостояние и отказ от прежней зависимости

Завершилось признание верховной власти Орды над Москвой

1485 год

Тверь

Военный поход на фоне политического соперничества

Тверское княжество вошло в состав владений Москвы

Конец XV — начало XVI века

Часть северских земель

Войны и дипломатические договоры с Литвой

Граница между Москвой и Литвой сдвинулась на запад

1510 год

Псков

Давление, принуждение к подчинению, переселения

Псковская самостоятельность была упразднена

1514 год

Смоленск

Военный поход

Смоленск перешёл под власть Василия III

1521 год

Рязань

Политическое давление и присоединение после бегства князя

Одно из последних самостоятельных княжеств вблизи Москвы утратило независимость

Новгород: переговоры под тенью войска

Новгород был для Москвы не просто крупным городом. Это был самостоятельный политический центр с огромными землями, торговыми связями и собственной элитой. Внутри

города существовали разные взгляды на будущее: часть влиятельных людей опасалась московских притязаний и искала поддержки в Литве. Поэтому московский князь представлял конфликт не только как спор за территорию, но и как вопрос безопасности: допустимо ли, чтобы важнейший сосед проводил политику, способную привести в регион литовское влияние?

В 1471 году войска Ивана III разбили новгородцев в битве на реке Шелони. Это было серьёзное военное поражение, но ещё не конец Новгородской республики. После победы Москва добилась соглашения и получила возможность сильнее вмешиваться в дела города. Окончательное подчинение произошло в 1478 году. Новгород утратил самостоятельность, вечевой колокол увезли, а влиятельные местные семьи подверглись высылкам и лишению земель.

Важно увидеть здесь не только момент триумфа Москвы, но и его устройство. Сначала военная сила меняла соотношение возможностей. Затем договор закреплял уступки. После этого следовали административные меры, которые делали возврат к прежнему порядку всё менее вероятным. Москва стремилась не просто победить, а перестроить условия, при которых Новгород мог принимать решения.

Объединение приносило и практические выгоды: контроль над торговыми путями, людскими и земельными ресурсами, рост доходов великого князя. Но для жителей это также означало потерю политических прав, а для местной

верхушки — риск утратить влияние и имущество. Государство укреплялось не в пустоте: оно отнимало пространство самостоятельности у тех, кто прежде распоряжался им сам.

Угра: граница между зависимостью и самостоятельностью

О прекращении зависимости от Орды часто говорят как о единственном событии: «стояние на Угре» в 1480 году. Эта формула верна как символ, но требует пояснения. Иван III не провёл один решающий бой, после которого Орда исчезла. На реке Угре московские силы и войско хана Ахмата долго противостояли друг другу, но крупного сражения не произошло. В итоге войско Ахмата отступило.

Значение эпизода состояло в том, что Москва больше не признавала верховенство Орды и не платила ей дань в прежнем порядке. Однако это не было мгновенным переходом к безопасной жизни: угроза набегов и военного давления никуда не исчезла, а политическое освобождение складывалось постепенно.

Для Ивана III Угра была не только военной проверкой. Это был экзамен на суверенитет: сможет ли князь удержать своих подданных и союзников, если он открыто откажется от прежней зависимости? Ответ был дан не одной речью, а поведением — войско собрано, позиция выдержана, соперник отступил. Власть становилась реальной, когда её признавали не только собственные подданные, но и внешние противники.

Тверь и искусство лишать соперника опоры

Тверь долго была главным конкурентом Москвы в борьбе за влияние на северо-востоке Руси. В 1485 году Иван III выступил против неё. Тверской князь Михаил Борисович, опасаясь потерять самостоятельность, искал поддержки Литвы. Для Москвы это стало подтверждением угрозы: соперничающий княжеский двор мог превратиться в опору её внешнего противника.

Поход завершился подчинением Твери, а её князь бежал в Литву. Здесь сочетались знакомые элементы: борьба за первенство, внешнеполитический расчёт и военное давление. Москва не просто присоединяла очередную территорию — она закрывала возможность существования рядом альтернативного центра, который мог бы оспаривать её право говорить от имени всё большего числа русских земель.

Для современного читателя полезно заметить закономерность: политический центр укрепляется не только тогда, когда захватывает новые владения, но и когда ограничивает возможности соперников заключать собственные союзы, вести отдельную дипломатию и самостоятельно распоряжаться ресурсами.

Династия — это тоже инструмент власти

Средневековая политика была устроена так, что родственные связи могли приносить права на землю, а вопрос о наследнике — определять будущее всего государства. Иван III использовал династические возможности, но его собствен-

ная семья не избавила его от конфликтов.

После смерти старшего сына Ивана Молодого разгорелся спор о наследовании. В нём участвовали внук великого князя Дмитрий и его сын Василий, родившийся в браке с Софьей Палеолог. В 1498 году Иван III признал наследником Дмитрия, но в 1502 году изменил решение в пользу Василия. Впоследствии Дмитрий и его мать оказались в заключении. Этот поворот показывает: наследственное право не работало как автоматическая передача престола. Его толковали, оспаривали и подкрепляли решением правителя.

Брак Ивана III с Софьей Палеолог, заключённый в 1472 году, имел важное символическое и дипломатическое значение. Софья была племянницей последнего византийского императора. Её происхождение позволяло связывать московский двор с византийской традицией и подчёркивать престиж великого князя. Но было бы ошибкой представлять дело так, будто в день свадьбы Москва получила готовую программу «наследницы Византии». Идея развивалась постепенно. Позднее возникла формула «Москва — Третий Рим», но Иван III её не провозглашал.

Двуглавый орёл появляется на великокняжеской печати в конце XV века, однако и этот символ не доказывает существования законченной идеологии, полностью сформулированной одним правителем. В политике символы нередко начинают жить раньше, чем получают единое объяснение: они сообщают о величии и притязаниях, оставляя место для но-

ВЫХ СМЫСЛОВ.

От победы к управлению

Завоевать или унаследовать землю — лишь половина задачи. Нужно добиться, чтобы из неё поступали доходы, чтобы решения центра исполнялись, а местные споры рассматривались по понятным правилам. Именно здесь военная экспансия превращалась в государственное строительство.

Судебник 1497 года упорядочивал правовые нормы в пределах владений московского князя. Он не превращал страну в современную бюрократию: местное управление оставалось сложным и часто зависело от княжеских наместников и их представителей. Но попытка унифицировать право была важна — власть стремилась закрепить общий порядок там, где раньше действовали разные местные привычки.

С Судебником обычно связывают и ограничение крестьянского перехода: переходить от одного землевладельца к другому разрешалось в определённый срок вокруг осеннего Юрьева дня, с выплатой установленного сбора. Это не означало, что в один момент возникло крепостное право в его позднейшем виде. Но направление движения заметно: государство всё настойчивее регулировало отношения между землёй, землевладельцем и зависимым населением.

Расширялось и служилое землевладение: власть опиралась на людей, чьё положение зависело от службы великому князю. Так ресурсы новых территорий помогали создавать новый слой военной и административной опоры. Централи-

зация, таким образом, усиливала не абстрактное «государство», а конкретного правителя и связанных с ним служилых людей.

Кремль как видимая политика

Власть должна быть не только исполнимой, но и зримой. Иван III перестраивал Московский Кремль, приглашая итальянских мастеров. В 1470-е годы возвели Успенский собор; в конце XV века обновили стены и башни. Кремль становился крепостью, двором и сценой для церемоний. Здесь принимали послов, совершали важные обряды, демонстрировали величие великокняжеской власти.

Архитектура сообщала то, чего не могла сообщить грамота: Москва не временный победитель, а центр, который рассчитывает остаться. Дипломатический ритуал, порядок приёма послов, церковные торжества и знаки власти приучали людей видеть в великом князе фигуру более высокого масштаба.

При Василии III этот курс продолжился. В 1510 году была подчинена Псковская республика; в 1514-м после похода взят Смоленск; в 1521 году к владениям Москвы присоединили Рязань. Псковская самостоятельность, как прежде новгородская, была упразднена, часть местных жителей переселили. Смоленск, напротив, был важным приобретением в борьбе с Литвой. Василий не изобрёл новую модель объединения — он продолжил и расширил модель, созданную отцом.

Таблица политических инструментов

Инструмент

Как действовал

Пример

Политическая цена

Союз и переговоры

Закрепляли выгоду без постоянной войны

Соглашения с соседними князьями

Стороны могли спорить о толковании договорённостей

Наследование и династические связи

Давали права на земли и укрепляли престиж

Подчинение ряда княжеских владений; брак с Софьей Па-

леолог

Усиливали значение дворцовой борьбы за наследника

Военное давление

Заставляло соперника уступить или принять условия

Кампания против Новгорода, поход на Тверь

Гибель людей, разрушение прежнего порядка, сопротив-

ление

Прямое присоединение

Передавало территорию под управление Москвы

Новгород, Псков, Рязань

Сокращение местного самоуправления и высылки элит

Закон и администрация

Превращали победу в повторяемую практику

Судебник 1497 года, деятельность наместников

Рост контроля центра над местными общинами и населением

Символы и обрядность

Делали новую власть понятной и внушительной

Кремль, церемонии двора, великокняжеская печать

Могли прикрывать принуждение языком законности и величия

Практическое упражнение: увидеть устройство власти

Чтобы понять, как вообще создаётся политическое единство, выберите любой исторический пример — или организацию, которую знаете изнутри, — и ответьте на три вопроса.

1. Что центр стремится контролировать? Землю, торговые пути, налоги, военную службу, назначения или внешние связи?

2. Какими инструментами он действует? Договорами, родством, общими правилами, символами, угрозой или открытой силой?

3. Кто получает выгоду и кто несёт цену? Какие группы обретают новые возможности, а какие теряют право принимать решения?

Затем отметьте, какой инструмент дал быстрый результат, а какой помог закрепить его надолго. В случае Москвы военная победа могла подчинить город, но закон, наместники и дворцовый ритуал делали подчинение повседневным. Это различие — между захватом и устойчивым управлением — и есть один из главных уроков истории.

Единство, которое не было бесплатным

Иван III и Василий III создали не современное национальное государство с одинаковыми законами и одинаковой повседневной жизнью во всех областях. Земли сохраняли местные особенности, управление оставалось неравномерным, а власть великого князя зависела от переговоров, службы и личных связей. Но направление стало ясным: Москва всё чаще определяла, кто ведёт внешнюю политику, кому принадлежит верховная власть и какие правила действуют на большой территории.

Цена этого процесса была конкретной. Новгород утратил вечевую самостоятельность, Тверь — собственную княжескую династию, Псков — республиканские институты. Местные элиты могли быть высланы или отстранены; население всё чаще оказывалось под распоряжением центра. Единство повышало военную и политическую мощь, но одновременно сужало пространство для самостоятельности отдельных зе-

мель.

Поэтому историю собирания Руси не стоит рассказывать как прямой путь к неизбежной победе Москвы. Это история последовательных решений, каждое из которых меняло баланс сил: договориться, предъявить наследственное право, перекрыть сопернику союз, выступить войском, установить единое правило, придать новой власти зримую форму. Так из разрозненных владений выросло единое Московское государство — не одним ударом, а долгой работой власти.

Иван IV унаследует уже не только земли, но и мощный политический механизм. Следующий вопрос будет заключаться в том, как превратить великокняжеское первенство в царскую власть — и что произойдёт, когда укрепление государства соединится с реформами и террором.

Иван IV Грозный: царский титул, реформы и террор опричнины

В январе 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля шестнадцатилетний Иван стоял перед митрополитом Макарием. На его плечи возложили царское облачение, на голову — шапку Мономаха. Молитва превращала наследника московских великих князей в государя с новым титулом и новой претензией: не просто первый среди русских правителей, а царь — помазанник Божий, владыка, чья власть мыслилась выше обычного княжеского старшинства.

Но за торжественным обрядом не исчезли ни боярские распри, ни спорные границы, ни необходимость собирать войско и налоги. Венчание давало Ивану сильный язык власти, а не готовый механизм управления. Ему предстояло создавать этот механизм — и вскоре стало видно, что он может служить и преобразованию государства, и запугиванию его подданных.

Корона: символ сильнее печати

Слово «царь» было известно на Руси и до Ивана IV. Им могли называть могущественных правителей в летописной и церковной традиции; употребляли его и московские государи. Новым стало торжественное венчание на царство, которое придало титулу особый вес. В обряде соединялись на-

следственное право, религиозное признание и притязание на особое место Москвы в православном мире. Связь шапки Мономаха с византийскими императорами, однако, принадлежала скорее политической легенде, чем установленному происхождению самой реликвии.

Титул не превратил Московское государство в современную централизованную державу. Царь не мог одним решением наладить сбор налогов во всех землях, заменить местные обычаи едиными правилами или заставить знать забыть о собственных интересах. Для этого требовались служилые люди, суды, приказы, войско, деньги и согласие — пусть ограниченное и вынужденное — тех, кто помогал править.

Иван рано узнал, как мало устойчивости бывает у власти, если за ней стоят только родословная и обряд. После смерти отца, Василия III, он взойшёл на престол ребёнком. Его мать, Елена Глинская, правила как регент, но умерла, когда Ивану было восемь. В последующие годы при дворе соперничали влиятельные боярские группировки. Позднее сам Иван писал о пренебрежении и унижении, которые пережил в детстве. Его свидетельство важно, но не нейтрально: взрослый государь объяснял прошлым собственные поступки. Детский опыт помогает понять атмосферу недоверия, но не превращает террор в неизбежность и не даёт оснований ставить царю диагноз на расстоянии веков.

В 1547 году напряжение вышло на улицы. После крупных московских пожаров горожане возложили ответственность

на родственников царя — Глинских; толпа расправилась с одним из них. Молодой государь увидел не только угрозу порядку, но и слабость власти, которая не способна удержать столицу от паники и насилия. Первые годы самостоятельно-го правления стали временем попыток укрепить управление.

Два портрета одного правления

Окружение Ивана принято называть Избранной радой — так позднее обозначил его князь Андрей Курбский. Историки спорят, была ли это сплочённая группа с общей программой или более рыхлый круг советников. Важнее не название, а сами решения: в середине XVI века власть действительно пыталась упорядочить суд, службу, церковную жизнь и местное управление.

В 1549 году состоялось собрание, которое обычно относят к первым земским соборам. В 1550-м приняли новый Судебник. Он уточнял порядок суда и усиливал контроль центра, хотя не устранял местных злоупотреблений. В разных областях развивались губные и земские формы управления: выборные люди могли участвовать, например, в борьбе с разбоями и решении части местных дел. Это не была всеобщая демократия и не отменяло царской власти. Но государство всё чаще пыталось управлять через правила и должности, а не только через личные распоряжения князей-наместников.

В 1551 году церковный собор, известный как Стоглав, стремился упорядочить церковные обряды и дисциплину. В военном деле создавались стрелецкие подразделения — слу-

жилая пехота, вооружённая огнестрельным оружием, — совершенствовалось использование артиллерии, укреплялась система дворянской службы. Эти перемены не сделали войско современным в позднейшем смысле слова, но расширили возможности государства собирать и использовать военную силу.

Результат особенно заметен в Поволжье. Казань была взята в 1552 году после трудной кампании; в 1556-м московская власть подчинила Астрахань. Открывались новые торговые пути, расширялась территория, росло влияние на народы и земли региона. Это было не только приобретение на карте: включение новых областей требовало гарнизонов, переговоров, сбора податей и приспособления к местным условиям.

И вот второй портрет: тот же государь, который поддерживал преобразования, всё чаще видел вокруг себя угрозу измены. В 1553 году тяжёлая болезнь Ивана обнажила проблему престолонаследия. Некоторые влиятельные люди колебались, присягая его малолетнему сыну Дмитрию. Это не обязательно означало заговор, но показало царю, насколько личная верность зависит от обстоятельств. В 1560 году умерла первая жена Ивана, Анастасия Романова. Царь подозревал, что её отравили; надёжных доказательств этого нет. Затем из его окружения ушли или были удалены советники, включая Алексея Адашева и Сильвестра. Причины и последовательность разрыва известны не полностью.

Портрет правления

Что можно утверждать

Надёжность и ограничения

Государственные преобразования

В 1550-е годы обновлялись судебные правила, церковное управление, военная служба и местные институты; расширялась территория государства.

Высокая для существования законов и решений: сохранились тексты Судебника и другие документы. Их реальное исполнение по всей стране оценить труднее.

Опричный террор

В 1565–1572 годах действовали особый царский двор и опричное войско; происходили казни, конфискации и принудительные переселения.

Сам факт репрессий подтверждён разными свидетельствами. Масштабы отдельных расправ, мотивы обвинений и точное число жертв нередко спорны.

Контраст между этими портретами — не противоречие, которое нужно устранить. Это важнейшая особенность правления Ивана: государственная реформа и насилие могли исходить от одной и той же власти. Первое требовало устойчивых правил; второе подрывало доверие к тем, кто эти правила исполнял.

Как страх становится управлением

В марте 1564 года князь Андрей Курбский бежал в Великое княжество Литовское и вступил в переписку с Иваном. Позднее его послания стали одним из самых известных свидетельств спора царя с бывшим приближённым. Но Курбский был не бесстрастным летописцем: он объяснял свой поступок, защищал собственную позицию и обвинял государя. Иван, в свою очередь, отвечал как властитель, обличающий изменника. Переписка показывает столкновение политических взглядов, но не даёт возможности без оговорок принять на веру каждую деталь.

В конце 1564 года Иван покинул Москву и обосновался в Александровой слободе. Оттуда он прислал послания с обвинениями против бояр и духовенства и сообщил об отречении. Для столицы это был удар: без государя аппарат власти терял центр тяжести. Москвичи отправили к Ивану делегацию с просьбой вернуться. Царь согласился, но получил возможность действовать по-новому.

В 1565 году была учреждена опричнина. Слово происходит от «опричь» — «кроме», «особо». Государство разделили на царскую опричную часть и земщину, где продолжали управлять прежние учреждения, хотя и под давлением монарха. Границы и устройство опричнины менялись. Это была не просто личная охрана царя, а особая территория и система власти с собственным войском, служилыми людьми и возможностью изымать земли. Из владений выселяли преж-

них владельцев, имущество передавали новым хозяевам, а подозрение в измене становилось основанием для преследования.

В типовом виде политическая расправа могла складываться из нескольких шагов:

1. Возникало обвинение — в заговоре, измене или связи с врагом.
2. Следовали допросы; признания могли добывать принуждением.
3. Обвиняемого казнили, заключали или отправляли в ссылку, а его владения конфисковывали.
4. Землю и имущество перераспределяли, меняя состав местной элиты и связи между служилыми людьми.

Не каждое дело проходило именно так: документы сохранились неравномерно, а насилие могло быть внезапным и внесудебным. Но сама возможность потерять имущество и жизнь по воле государя меняла поведение людей. В такой системе опасно было не только выступить против царя, но и оказаться рядом с тем, кого объявили изменником.

Расправа над митрополитом Филиппом показывает и силу этого механизма, и пределы того, что можно утверждать. Филипп выступал против царских жестокостей; его лишили кафедры и заточили в монастыре, где он умер в 1569 году. Позднее закрепился рассказ, будто его лично задушил Малюта Скуратов. Однако надёжного современного подтверждения этому нет. Само преследование митрополита сомне-

ний не вызывает; подробности его смерти требуют осторожности.

Ещё страшнее была карательная кампания против Новгорода в 1570 году. Царь подозревал город в намерении перейти на сторону Литвы. Заговор, который мог бы оправдать такую акцию, убедительно не доказан. В городе происходили казни, пытки, грабежи и конфискации. Некоторые оценки числа погибших доходят до тысяч, но достоверного общего подсчёта жертв нет. Здесь важно не выбирать эффектную цифру, а удерживать твёрдо установленное: подозрение стало поводом для масштабного насилия над жителями целого города.

Цена централизации

Опричнина не обеспечила государству неуязвимость. В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей совершил поход на Москву; пожар уничтожил значительную часть города. На следующий год русское войско одержало победу при Молодях. Опричнину вскоре упразднили как отдельный порядок, но это не означало возвращения к прежней политической атмосфере или появления ограничений на царскую власть.

Экономические последствия были тяжёлыми, хотя сводить все беды страны к опричнине было бы ошибкой. Военные кампании, неурожаи, эпидемии, принудительные переселения и изъятие имущества действовали одновременно. Хозяйства разорялись, люди покидали привычные места, служилые владельцы теряли землю, а казна нуждалась в

новых доходах. Централизация могла дать государю больше возможностей распоряжаться людьми и ресурсами; но изъятие ресурсов и разрушение местных связей ослабляли саму основу, на которой держалось управление.

Это не было просто борьбой «царя» с «боярами». Вместе с влиятельными родами государство теряло опытных администраторов, привычные каналы переговоров, доверие между двором и местными сообществами. Страх заставлял людей повиноваться быстрее, но не помогал им действовать сообща. Он годился для наказания, однако плохо заменял уверенность в законе и предсказуемость решений.

Практическая пауза. Чтобы оценить любое громкое историческое обвинение, задайте три вопроса: кто оставил свидетельство и насколько он был близок к событию? Что подтверждают документы или независимые источники? Где заканчивается установленный факт и начинается позднейшее объяснение? Например, смерть Филиппа в заточении подтверждена; личность его убийцы — нет. Казни в Новгороде подтверждены; точное число погибших остаётся спорным. Такая привычка не делает историю менее драматичной. Она помогает не путать драму с доказательством.

Иван IV умер в 1584 году, оставив престол сыну Фёдорову. Сильная царская власть пережила опричнину, но её сила всё заметнее зависела от личности государя и способности удержать верность окружения. Когда через несколько лет пресеклась династия Рюриковичей, стране пришлось отве-

чать на вопрос, на который одной короны было недостаточно: кто вправе править и почему остальные должны ему подчиниться? Иван укрепил верховную власть, но его правление напомнило, что государство держится не только на приказе. Если страх разрушает доверие быстрее, чем власть успевает создавать правила, однажды трон может остаться без надёжной опоры.

Смутное время: распад власти и выбор новой династии

В одном уездном городе приказной человек получает два распоряжения. Первое велит собирать подати от имени государя, сидящего в Москве. Второе — от имени государя, чья ставка стоит под Москвой, в Тушине. Оба приказа скреплены печатями. У каждого есть вооружённые люди, которые могут потребовать исполнения. Кому повиноваться? Ошибка грозит не отвлечённым наказанием за неверность, а вполне земной расплатой: конфискацией хлеба, разорением двора, обвинением в измене.

Это собирательная сцена, но именно так могла выглядеть повседневность Смуты: власть ещё говорила языком приказов, однако её голос раздвоился. Страна рушилась не в один день и не только потому, что не нашлось сильного царя. Разрушалась общая договорённость о том, кто вправе отдавать приказы и почему им следует подчиняться.

Смутное время стало проверкой сразу нескольких опор государства: наследования, доверия к правителю, способности кормить подданных, единства элиты и защиты границ. Когда эти опоры дали трещину одновременно, в борьбу вступили не только цари и бояре. За власть спорили города, служилые люди, казаки, духовенство, иностранные правители и

люди, уставшие от войны и голода. У каждого была своя Россия — и своё представление о том, кто может её спасти.

Пустота, которую нельзя было заполнить одним приказом

В 1598 году умер царь Фёдор Иоаннович, сын Ивана Грозного. Он не оставил наследника. Его жена Ирина отказалась от престола и ушла в монастырь. Смерть Фёдора означала конец московской ветви Рюриковичей, но не исчезновение всех Рюриковичей в стране. Исчезло другое: понятный порядок, который почти два столетия связывал московский престол с наследованием внутри правящей семьи.

Наследование никогда не было механической передачей короны от отца к сыну: значение имели родство, поддержка знати, церковное признание и способность удерживать власть. Но теперь все эти элементы требовалось заново соединить — и ни один претендент не обладал бесспорным правом.

Земский собор избрал царём Бориса Годунова. Это был не парламент в современном смысле и не свободное голосование всего населения. Собор собрал представителей разных сословий и земель, а его решения зависели от расстановки сил при дворе. Но избрание всё же давало Борису важное основание для власти: он не просто занял престол, а получил признание собравшихся. Кроме того, он был опытным государственным деятелем и фактически управлял страной ещё при Фёдоре.

И всё же между способностью править и правом быть царём оставался зазор. Борис не был сыном покойного государя. Его противники могли представить это как изъясн, а политические слухи — заполнить пробелы удобными обвинениями. Особое место заняла история царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного, погибшего в Угличе в 1591 году. Официальное расследование заключило, что мальчик умер во время припадка, случайно поранив себя ножом. Сомнения в этом выводе не исчезли. Доказательств, позволяющих поставить в истории окончательную точку, нет; зато политически обвинение в убийстве оказалось чрезвычайно действенным. Оно превратило сложное расследование в простой рассказ о преступлении, за которое будто бы отвечает новый царь.

Здесь проявился первый закон Смуты: когда доверие слабеет, слух перестаёт быть просто слухом. Он становится способом объяснить бедствие и назначить виновного.

Голод, который сделал слух правдоподобным

В 1601–1603 годах страну поразили неурожай и голод. Реконструкции климата указывают на череду необычно холодных сезонов в начале XVII века; с этим периодом связывают последствия мощного извержения вулкана Уайнапутина в Южной Америке в 1600 году. Климатический удар сам по себе не объясняет политическую катастрофу и не снимает ответственности с властей. Он объясняет, почему хозяйство, уже уязвимое перед плохими урожаями и перебоями снаб-

жения, оказалось под чрезвычайным давлением.

Борис пытался смягчить бедствие: раздавал хлеб, открывал работы, предпринимал меры против спекуляции, облегчал положение части населения. Но помощь не могла быстро заменить погибший урожай и наладить снабжение всей страны. На рынках хлеба не хватало, цены росли, люди оставляли дома и отправлялись искать пропитание. Голод сопровождался болезнями, разбойными нападениями и столкновениями за ресурсы. Оценки числа жертв разнятся, однако масштаб демографического и хозяйственного потрясения сомнений не вызывает.

Для крестьянина, который не знает, чем кормить семью, рассуждение о законности избрания царя звучит отвлечённо. Но именно голод сделал такое рассуждение опасно практичным. Если царь законен и Бог благословляет его власть, почему земля не родит? Если власть грешна или захвачена преступлением, не объясняет ли это беду? Так природная катастрофа вошла в политическую борьбу, а политическая борьба получила убедительный для многих язык.

После смерти Бориса в 1605 году престол перешёл к его сыну Фёдору. Но сыновнее право не смогло удержать власть, которой уже перестали доверять. Фёдор и его мать были убиты; на престол вступил человек, объявивший себя чудом спасшимся царевичем Дмитрием.

Самозванец, которому открывали ворота

Лжедмитрий I не появился из пустоты. Его история бы-

ла политическим предложением, обращённым к стране, где наследственный порядок оборвался, а обвинение против Годуновых уже стало частью общественного воображения. Он шёл к Москве при поддержке польских и литовских магнатов, пограничных сил, казаков и русских сторонников. Одни могли действительно верить, что перед ними спасшийся царевич; другие надеялись на награды, перемены или поражение ненавистного правительства.

В 1605 году Лжедмитрий въехал в Москву и был коронован. Власть некоторое время действовала: царь принимал послов, раздавал пожалования, издавал распоряжения. Но внешние атрибуты не могли устранить главный вопрос: кем он был на самом деле? Его обещания и решения раздражали разные группы, а придворные противники готовили переворот. В мае 1606 года Лжедмитрий погиб во время восстания в Москве.

Затем царём стал Василий Шуйский. Он был Рюриковичем и участвовал в расследовании смерти Дмитрия в Угличе, то есть обладал аргументами, которых не было у Годунова и самозванца. Но его власть опиралась на сравнительно узкий круг сторонников и не получила бесспорного признания всей страны. Шуйский принёс клятву, ограничивавшую некоторые способы царского произвола: это был важный жест, но он не превращал расколотую политическую общность в единую.

Восстание Ивана Болотникова в 1606–1607 годах показыва-

ло, насколько разными могли быть силы, выступавшие под одним именем. В движении участвовали крестьяне, казаки, служилые люди и представители дворянства. Одних влекло обещание увидеть на престоле «законного царя», других — надежда изменить своё положение, третьих — борьба за влияние. Это была не единая социальная партия и не стройный поход против одного врага. Когда разные ожидания сталкиваются, общий лозунг может собрать армию — но не обязательно создаёт устойчивый порядок.

В 1608 году появился новый претендент, известный как Лжедмитрий II. Его лагерь в Тушине обзавёлся собственными приказами, двором, войском и кругом сторонников. Там оказался и Филарет, отец будущего царя Михаила Романова; обстоятельства его пребывания и дальнейшее использование его положения были частью сложной политической борьбы. Страна получила не просто конкурирующего претендента, а параллельный центр управления. Одни города признавали московского царя, другие поддерживали тушинский лагерь, третьи меняли сторону, стараясь выжить.

Представим распад легитимности как проверку четырёх вещей: кто заявляет права, кто его признаёт, какие учреждения ему подчиняются и где заканчивается его реальная власть.

Этап

Претендент или центр власти

Кто мог его поддерживать

Что ещё действовало

Главная слабость

1598–1605

Борис Годунов

Двор, часть знати, участники Земского собора, служилый аппарат

Приказы, местное управление, церковная иерархия

Непрочное наследственное право; голод усиливал подопечения

1605–1606

Лжедмитрий I

Пограничные силы, казаки, часть горожан и знати, польско-литовские покровители

Царский двор и московские учреждения после вступления в столицу

Спорное происхождение и быстро растущее недовольство

1606–1610

Василий Шуйский

Часть московской знати и служилых людей

Центральные учреждения в Москве, но не вся страна

Слабое признание за пределами столицы, восстания и новые претенденты

1608–1610

Тушинский центр

Русские сторонники, казацкие отряды, польские и литовские силы

Параллельные приказы, войско, сбор ресурсов

Нет единого контроля над страной; поддержка держится на разных интересах

1610–1612

Семибоярщина и приглашённый на престол Владислав

Часть московской элиты, заключившей соглашение с польским королём

Некоторые московские учреждения

Владислав не прибыл и не был коронован; в Москве находился польский гарнизон

1611–1613

Ополчения, затем Земский собор

Города, купцы, служилые люди, духовенство и казацкие отряды

Временные советы, сбор средств и военная организация

Союз участников был хрупким и требовал переговоров

В таблице видна важная перемена: государство не исчезало целиком. Приказы продолжали работать, города собира-

ли деньги, воеводы командовали отрядами, духовенство обращалось к населению. Но эти возможности больше не соединялись под одной признанной властью. Именно поэтому страна могла одновременно сохранять отдельные механизмы управления и переживать распад государственного единства.

Семь бояр и чужой гарнизон

В 1610 году после свержения Шуйского власть в Москве перешла к группе бояр, которую позже называли Семибоярщиной. Бояре договорились пригласить на престол польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III, на условиях принятия православия. Это не было простой передачей страны иностранному правителю: участники соглашения пытались остановить войну и получить государя, признанного хотя бы частью политической элиты. Но условия не превратились в устойчивый договор. Владислав не приехал и не был коронован, а польские войска заняли Кремль.

К этому времени война уже вышла за пределы борьбы за престол. Шведские силы вошли в конфликт; Смоленск осадила армия Сигизмунда III; московская власть зависела от решений внешних государей. Патриарх Гермоген выступал против признания чужой власти без выполнения условий и призывал к сопротивлению. Он умер в заключении в 1612 году. Его позиция была важна не потому, что церковь могла заменить государство, а потому, что в отсутствие общепризнанного царя религиозные институты сохраняли способность обращаться к людям через границы отдельных го-

родов и войск.

Однако сопротивление не возникло как единый и бескорыстный «народный порыв». Первое ополчение 1611 года было коалицией с разными целями. Его участники спорили о руководстве, снабжении, правах служилых людей и положении казаков. Конфликт завершился убийством одного из руководителей, Прокопия Ляпунова, после чего ополчение раскололось и не сумело освободить Москву.

Второе ополчение стало складываться в Нижнем Новгороде в 1611 году. Кузьма Минин организовывал сбор средств и снабжение; князь Дмитрий Пожарский возглавил войско. Для похода требовались не красивые обещания, а хлеб, деньги, оружие, порядок и способность заставить участников действовать сообща. Взносы собирали с городов и дворов; поддержка сопровождалась давлением и принуждением. К ополчению присоединялись разные отряды, включая казаков, чьи цели не всегда совпадали с целями городских старшин и воевод.

И всё же коалиция выдержала то, чего не выдержал первый союз. В 1612 году ополчение добилось перелома в борьбе за Москву. Польский гарнизон в Кремле сдался. Это была краткая кульминация освобождения столицы, но не конец всех войн и не мгновенное исцеление страны. Чтобы вытеснить чужие войска, нужна была армия; чтобы снова собрать государство, требовалось решение о власти, которое могли бы принять разные земли.

Почему выбрали Михаила

В 1613 году Земский собор избрал царём Михаила Фёдоровича Романова, которому было шестнадцать лет. Собор не был всеобщими выборами в современном понимании, а его участники не представляли каждого жителя страны. Тем не менее в условиях кризиса он стал площадкой, где разные группы могли участвовать в поиске нового государя.

Кандидатура Михаила была приемлема не для всех по одной причине, а для многих — по разным. Его род связывали с прежней династией через Анастасию Романовну, первую жену Ивана Грозного. Его отец, боярин Фёдор Никитич, был в польском плену и позднее стал патриархом Филаретом; мать, Марфа, обладала влиянием и помогала укрепить положение сына. Для одних Романовы были знакомы как древний и знатный род, для других — сравнительно безопасный компромисс после гибели и свержения нескольких правителей. Юный царь не имел за плечами собственных войн и расправ, а значит, мог показаться фигурой, вокруг которой легче договориться.

Нельзя представлять избрание Михаила как сцену, где вся страна в один голос протянула ему корону. Хроники описывают активную роль казаков и давление на участников собора; детали и степень этого влияния остаются предметом обсуждения. Выбор был результатом переговоров, соперничества и оценки возможных рисков. Но он получил достаточно широкое признание, чтобы вновь соединить престол, цер-

ковь, служилую элиту и города вокруг единого центра.

Выбор нового царя не отменил последствий Смуты. Россия была истощена, многие земли разорены, а границы изменились. По Столбовскому миру 1617 года страна вернула Новгород, но уступила Швеции ряд территорий и лишилась выхода к Балтийскому морю. Деулинское перемирие 1618 года закрепило за Речью Посполитой Смоленск и другие земли. Сам Михаил правил не один: важную роль играли его мать, бояре и вернувшийся из плена в 1619 году Филарет. Государство приходилось восстанавливать постепенно, а не объявить восстановленным одним торжественным обрядом.

Как читать кризис — и чему он учит

Смута полезна не как перечень царей, которых можно выучить по порядку. Она показывает, что власть держится на совпадении нескольких признаний: правитель должен иметь объяснимое право на престол, опору среди влиятельных групп, работающие учреждения и минимальную способность отвечать на повседневные нужды. Если рушатся сразу несколько связей, сила может захватить столицу, но не обязательно получить страну.

Попробуйте применить к истории простой разбор.

1. Отделите право от способности управлять. Кто претендует на власть? На чём основано его право — родстве, избрании, победе, договоре? Может ли он собирать налоги и обеспечивать порядок?

2. Назовите тех, кто признаёт претендента. Двор,

церковь, города, войско, внешние союзники? Не объединяйте всех сторонников в одну группу: спросите, чего каждый из них добивается.

3. Найдите работающие институты. Какие приказы исполняются, кто собирает средства, кто договаривается между городами? Если институты действуют, но подчиняются разным центрам, перед вами не пустота, а опасное двоевластие.

4. Проверьте, что заставляет людей менять сторону. Идея законности, страх, голод, надежда на землю и жалованье, местная безопасность? Обычно ответов несколько.

Это не только исторический приём. Он помогает разбирать любой политический кризис без соблазна свести его к вопросу «кто был сильнее». Сила отвечает на вопрос, кто может заставить подчиниться сегодня. Легитимность — кто сможет добиться подчинения завтра без постоянного насилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.